

Безгин В. Б. Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Николашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.

Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozem Region). *Nauchnyi dialog*, 6: 243-259. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259. (In Russ.).

УДК 94(47).084.6:338.43.02+323.4(470.32)

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259

Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области)¹

© **Безгин Владимир Борисович (2019)**, orcid.org/0000-0002-7074-6823, Researcher ID A-8926-2018, SPIN-code 4643-0347, доктор исторических наук, профессор, Тамбовский государственный технический университет (Тамбов, Россия), vladyka62@mail.ru.

© **Николашин Вадим Павлович (2019)**, orcid.org/0000-0002-3595-8556, кандидат исторических наук, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина (Тамбов, Россия), nikolashin.vadim@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме общественно-политического развития деревни Козловского округа Центрально-Черноземной области в 1929—1930 годы. Основными источниками исследования послужили обширные материалы, сконцентрированные в Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области и Государственном архиве Тамбовской области. Показано, что эти документы позволили на микроуровне исследовать проблемы нарастания антагонизма между советской властью и крестьянством, поступательного расширения инструментария борьбы каждой из противоборствующих сил на локальном примере крестьянства Козловского округа. В статье особое внимание уделяется социальному облику протестного движения. Актуальность исследования обусловлена значимостью выявления проблем бесконфликтного разрешения социально-политических протестов. Напротив, репрессивные меры советской власти в отношении крестьян Козловского округа обернулись ростом протестных настроений, массовыми выступлениями и т. д. Указывается, что власть, преследуя четко очерченные политические и экономические цели, продолжала использовать нажимные методы в борьбе на хлебном

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-49-680002) и администрации Тамбовской области в рамках совместного регионального конкурса научных проектов «Коллективизация в черноземной деревне: институциональный и социальный аспекты».

фронте и в ходе проведения сплошной коллективизации. Осуществляется комплексная социально-институциональная оценка событий в советской деревне в 1929—1930 годах. Исследователи доказывают, что коллективизация стала механизмом подавления протестных сил в деревне и укрепления позиций советской власти.

Ключевые слова: коллективизация; хлебозаготовки; «великий перелом»; крестьянство; деревня.

1. Введение

Революционные события 1917 года и гражданская война завершились периодом новой экономической политики, которую деревня восприняла как собственную победу над государством. Однако ряд внешнеэкономических и внутренних факторов создали условия для нового роста конфронтации власти и крестьянства.

В конце 1920-х годов окончательно решался вопрос о существовании традиционной деревни. Община, укрепившая свои позиции в ходе НЭПа, оказывалась под угрозой трансформации в новые агропроизводственные структуры. Исторический опыт России перманентно демонстрировал власти ключевую роль крестьянства в решении экономических и общественно-политических вопросов. И для модернизации сельского хозяйства необходимо было решить целый ряд вопросов: экономических, политических, организационных, правовых, природно-климатических, экологических. Особое место в данном процессе играли такие факторы, как институциональный и социальный.

В научном осмыслении этой проблемы преобладало изучение социально-экономических факторов модернизации сельского хозяйства страны. Вопросы изменения общественно-политической жизни советской деревни, вызванные коренными переменами в хозяйственном укладе села, своего исследовательского решения не получили.

Процесс коллективизации черноземной деревни на рубеже 1920—1930-х годов является одним из важнейших вех развития России в XX веке. Ход и противоречия данной модернизации способствовали глубинным изменениям в институциональных сферах жизни советской деревни. В статье обобщен накопленный опыт и сформулированы новые выводы о данных процессах.

Хронологические рамки исследования ограничены концом 1920-х — началом 1930-х годов. Данный период является наиболее значимым, переломным этапом в аграрной политике советской власти, когда традиционные, общинные институты стали вытесняться колхозами и совхозами.

Географические рамки ограничены Козловским округом Центрально-Черноземной области (далее — ЦЧО). Выбор региона обусловлен

как высокой степенью сохранности общинных традиций, так и преобладанием аграрного производства. Локализация на данной территории позволила более глубоко на микроуровне исследовать общественно-политические процессы, происходившие в деревне в изучаемый период.

Актуальность работы обусловлена значимостью изучаемой темы для общественного развития государства и гражданского общества, а также решения аграрного вопроса при переходе от традиционной к индустриальной экономике.

2. Переход к коллективизации и трактовка понятия «кулак»

1928—1929 годы стали рубежом, который подвел черту под новой экономической политикой, направив вектор аграрных реформ на путь сплошной коллективизации и ужесточения хлебозаготовительной политики государства. Спустя месяц после XV съезда ВКП(б) Политбюро в январе 1928 года проголосовало за применение чрезвычайных мер при выполнении плана хлебозаготовок. На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1928 года И. В. Сталин говорил о необходимости сбора «дани» с крестьянских хозяйств для увеличения темпов развития индустриализации. Как отмечает В. В. Кондрашин, «выход из этой ситуации Сталин видел в развертывании репрессий против “саботажников”, а также скорейшем создании по всей стране колхозов и совхозов, способных не допустить “кулацкого саботажа”» [Кондрашин, 2014, с. 19].

Руководство государства было заинтересовано не в простом росте производительности крестьянского труда, а в «таком росте, который обеспечивал перевес социалистических форм хозяйства над другими формами и прежде всего над капиталистическими формами хозяйства ...» [Мау, 2013, с. 431]. Об этом Сталин сообщил, выступая в апреле 1929 года на пленуме ЦК ВКП(б).

Накануне двенадцатой годовщины Октябрьской революции И. В. Сталин опубликовал статью «Год великого перелома» в газете «Правда». В ней говорилось о повороте крестьянских масс к сплошной коллективизации, о решении проблем внутренних накоплений и т. д. Вопросы о «ликвидации кулачества как класса» [Сталин, 1947, с. 292], о замене «кулацкого производства производством колхозов и совхозов» [Там же], о «нарастающей антикулацкой лавине, сметающей на своем пути сопротивление кулака, ломающей кулачество и прокладывающей дорогу для широкого социалистического строительства» [Там же, с. 275] были подняты Сталиным 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов. Эта речь

ознаменовала окончательный поворот к мобилизационному типу ведения хлебозаготовок и организации коллективных хозяйств.

Сложность ситуации заключалась и в том, что даже в верхних эшелонах власти не было единого мнения по вопросу о принципах определения «кулацкого хозяйства» в числе прочих крестьянских дворов. Основными признаками такого хозяйства являлись наличие предприятия, его торговая деятельность, аренда земли, а также использование наемного труда. Однако под данное определение подпадало до трети крестьянских хозяйств черноземной деревни. Зачастую к числу кулаков относили вчерашних крестьян-опытников, крестьян-культурников, которые в период нэпа представляли эффективные товарные крестьянские хозяйства.

Проблема трактовки определения «кулацкого хозяйства» на местах была адресована представителям власти. «На вопрос: “Кто такой кулак?”, — первый секретарь обкома ВКП(б) ЦЧО Варейкис отвечал: “Это схоластика вредная, убийственная для тех людей, которые задают с этой трибуны подобные вопросы. Людей, которые так выступают, надо снимать с работы, так как они до сих пор не понимают, кто такой кулак. Дошли до момента, когда поставлен вопрос о полной ликвидации кулака как класса, а они спрашивают кто кулак? ... Рассуждения о том, как понимать кулака, — есть схоластика гнилая, бюрократическая, бесцельная, никому не понятная”» [Ноздрихин, 1996, с. 86].

Расплывчатые формулировки и нежелание идти против установок центра создавали условия для массовых злоупотреблений местных руководителей при определении категории каждого конкретного хозяйства и применения к ним репрессивных мер. Так, «в селе Ярославка Никифоровского района пострадал А. Сычев, глава семейства из девяти человек, у которого всего-то и было, что изба, двор, лошадь и корова — у него отобрали лошадь и прочее имущество лишь за то, что в 1929 г. он имел 15 сажень арендованной земли, а его отец в 1915—1917 гг. тоже арендовал землю на 2 души» [Кротова, 2007, с. 180]. В тисках репрессивной машины мог оказаться достаточно широкий круг крестьянских хозяйств.

3. Наступление на «хлебном фронте» и реакция деревни

Жесткая сталинская политика в сфере сельскохозяйственного производства расшатывала вековые аграрные устои деревни, создавала социальную напряженность и ломала созидательную психологию труда у крестьян. Как отмечает В. В. Кондрашин, «насильственная коллективизация разрушила традиционную, веками существовавшую систему выживания

деревни в условиях голода. В результате хлебозаготовок 1929—1930 гг. в деревне не осталось никаких страховых запасов зерна и других продуктов на случай недорода ... Раскулачивание изъяло из сельской жизни хозяина — кулака, традиционно помогавшего бедноте во время голода» [Кондрашин, 2014, с. 51—52].

Козловские крестьяне оказались в жерновах жесткой хлебозаготовительной кампании. Как и в других округах ЦЧО, ситуация в Козловском округе «отличалась от положения в других хлебопроизводящих регионах тем, что близость Центра заставляла местные власти неукоснительно выполнять распоряжение вышестоящих инстанций» [Есиков, 2005, с. 23]. Тем самым сама политическая ситуация вынуждала местные власти применять чрезвычайные меры.

К рекрутированию крестьян в местные хлебозаготовительные органы сельские общества относились с особым вниманием, трезво оценивая перспективу развития местничества и злоупотреблений у новоиспеченных руководителей. Зачастую свои опасения первыми высказывали представители зажиточной части деревни, для которой «излишки» измерялись не одним десятком пудов зерна. Как отмечал уполномоченный по Избердеевскому району Чердаков на совещании в областном комитете ВКП(б) 18 августа 1929 года, «благодаря влиянию кулачества, часть населения, не выступая открыто против хлебозаготовок, все же не хочет создавать комиссии, говоря, что в комиссии попадут такие лица, которые будут нам мстить» [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 200, л. 10].

Масштабное наступление советской власти на деревню в 1929 году вынудило крестьянство идти по пути протеста. Он «выражался в различных формах: в первую очередь крестьяне обращались с жалобами во все инстанции — от сельского Совета до ВЦИК» [Кротова, 2007, с. 183]. В переписке секретариата председателя ВЦИК М. И. Калинина и Козловского окрисполкома от 16 декабря 1929 года отмечалось, что Козловский округ по количеству жалобщиков оказался «на одном из первых мест не только по ЦЧО, но и по стране в целом» [Там же, с. 57]. Однако основная масса жалоб была возвращена из Москвы в окрисполком и райисполкомы, где «дела рассматривались медленно, по два и больше месяцев, ответы, присылаемые во ВЦИК, зачастую были формальными, факты не проверены» [Там же, с. 57]. Но, не найдя поддержки в органах власти различного уровня, деревня ответила террором. Так, в отчете первому секретарю обкома ЦЧО отделения ВКП(б) И. М. Варейкису представителями ОГПУ Козловского округа ЦЧО приводились следующие данные о росте волны насилия (табл. 1):

Таблица 1

**Динамика террористических актов на территории Козловского округа
с 1 июля 1928 года по октябрь 1929 года**

Период (гг.)	Количество случаев
01.07.1928 — 10.01.1929	30
Январь 1929	9
Февраль 1929	—
Март 1929	2
Апрель 1929	9
Май 1929	25
Июнь 1929	24
Июль 1929	4
Август 1929	5
Сентябрь 1929	24
Октябрь 1929	21

Источник: Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-835. Оп. 1. Д. 200. Д. 202 [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 200, л. 13].

Нарастание насилия по отношению к советским работникам и партийному активу происходило в рамках проведения хлебозаготовок. В январе 1929 года под прицелом зажиточной части деревни оказались члены сельсовета, уполномоченные и селькоры. В феврале подобных явлений зафиксировано не было из-за «застоя заготовок» под влиянием весенней распутицы. В последующие месяцы вновь начали совершаться преступления, так как в марте был дан старт весенней заготовительной кампании под «нажимом из области» [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 200, л. 13], а в апреле обострение было обусловлено подготовкой к посевной кампании. Деревня начала «охоту» на членов сельсоветов и уполномоченных райисполкомов. Отметим, что включение рабочих и комсомольцев в процессы раскулачивания и коллективизации как двадцатипятилетних «автоматически ставило их в ряды врагов большей части деревенских жителей» [Николашин, 2013, с. 120].

Пик насилия, направленного против представителей советской власти, пришелся на май и июнь. Именно в этот период стали применяться новые методы заготовок зерна: подворные планы, штрафы, суд, бойкот, объявлявшийся сельским сходом, организация бедноты для участия в хлебозаготовках, развернувшаяся организация новых колхозов [ГА-

СПИТО, ф. п.-835, оп. 1, д. 200, л. 11]. В июле 1929 года основная масса заготовительных мероприятий была завершена и уполномоченные были отозваны из деревни. Начавшееся в сентябре «доведение планов до кулацкого двора» [Там же] и усиление хлебозаготовок вызвали рост противоправных действий в деревне. Градус насилия в козловской деревне находился в прямой зависимости от динамики мероприятий на «хлебном фронте».

ОГПУ к числу террористических актов, происходивших в деревне, относил покушения, убийства, ранения, поджоги, избиения и другие преступления. Направлены они были против самых различных представителей советской власти: членов и кандидатов в ВКП(б), членов ВЛКСМ, коммун и коммунаров, работников культуры, актива бедноты и др. Но особую ненависть крестьяне испытывали к уполномоченным, которые боролись на «фронте хлебозаготовок» за самые крупные трофеи — «хлебные излишки». Кроме того, под ударом оказались селкоры как информаторы советской власти на местах. В характеристике террористических актов, осуществленных в Козловском округе с 1 июля 1928 по 14 сентября 1929 года, составленной начальником местного отделения ОГПУ Абаимовым, за период с 1 июля 1928 по 1 июля 1929 гг., отражено, что 49 раз подвергались нападениям работники низового советского аппарата, 23 раза — актива бедноты, 6 раз — селкоры и члены коммун и коллективных хозяйств [ГА-СПИТО, ф. п.-835, оп. 1, д. 200, л. 4].

Приведем еще несколько примеров. 13 июля 1929 года на агроуполномоченного села Епанчино Глазковского района Бреева было совершено покушение зажиточными крестьянами Пениным и Антиповым [Там же, л. 8]. В ночь на 27 августа 1929 года в селе Александровке зажиточные крестьяне Сахаров и Кисляков сожгли ригу у комсомольца Сергеева за активное участие в весенней хлебозаготовительной кампании [Там же, л. 9]. Таким образом, официальные «инквизиторы», проводники репрессивных мер сами становились жертвами. Власть пошла по пути репрессий, спровоцировав ответную реакцию деревни.

Социальный портрет противников колхозного строительства в отчете о массовых выступлениях по округу с 1 июля по 28 октября 1929 года произвел начальник Козловского окружного отделения ОГПУ Абаимов. Он констатировал, что, если принять во внимание опыт 17 выступлений, можно заключить, что «главными фигурантами являются попы в 11 случаях, монашки в одном и кулаcko-антисоветских элементов в 5 случаях, из числа выступивших в большинстве случаев участники женщины, по соцпрослойке большинство середняки» [Там же, л. 13]. О том, что

участниками массовых протестов на местах становились женщины, свидетельствуют следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Характер массовых выступлений в деревне Козловского округа ЦЧО и состав их участников за период с 1 августа 1928 по октябрь 1929 года

Период	Участники			Причины выступлений	
	количество случаев	мужчины	женщины	на религиозной почве	хлебозаготовки
01.08.1928 — 01.07.1929 г.	14	450	4200	11	3
Июль	—	—	—	—	—
Август	2	50	350	2	—
Сентябрь	2	250	2000	2	—
Октябрь	3	100	600	2	1
Всего за июль—август 1929 года	7	400	2950	6	1

Источник: Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-835. Оп. 1. Д. 200. Д. 202 [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 200, л. 16].

Гендерный анализ участников выступлений, прошедших с августа 1928 года по август 1929 года, свидетельствует о том, что в 90 % случаев это были женщины, в 10 % — мужчины. В отчете Козловского отделения ОГПУ первому секретарю обкома ВКП(б) ЦЧО И. М. Варейкису от 1 сентября 1929 года отмечалось, что «... мужское население деревни отошло от кулачества, которым остается один объект провокации — оставшаяся часть деревни — женщины-крестьянки» [Там же]. Женщины оказывались на острие протестных акций по ряду причин. С одной стороны, они были более эмоциональны в оценках хлебозаготовительной кампании, с другой — крестьяне считали, что репрессии в отношении мужчин могли оканчиваться более жесткими.

4. Сопротивление крестьян чрезвычайным мерам

Массовое сопротивление крестьян чрезвычайным методам хлебозаготовок наталкивалось на жесткую реакцию местных властей. Рост насилия со стороны деревни сопровождался усилением репрессий. В частности, в ход шла статья 58-10 УК (контрреволюционная агитация), которая применялась против тех, кто противостоял заготовителям и уполномоченным. «Кулаков» судили по статье 107 УК РСФСР, обвиняя крестьян в спекуля-

ции и изымая у арестованных скот, инвентарь в пользу государства. Применялись и другие статьи. При этом задержание осуществляли не только представители силовых структур (милиции, ОГПУ), но и служащие других ветвей исполнительной власти, в том числе и члены сельсоветов.

В Козловском округе с 1 января по 1 июля 1929 года было заведено 100 дел по линии прокуратуры и ОГПУ. Из них 53 были возбуждены с формулировкой «социально опасные преступления», 18 — за «контрреволюционную деятельность», 10 — в связи с «антисоветской агитацией и пропагандой», 5 — за «должностные преступления» и т. д. [Там же, л. 1].

Советская власть, осуществляя коллективизацию и раскулачивание, стремилась опереться на низшие социальные страты в деревне. «Большевистское руководство рассчитывало получить союзников в лице наиболее бедных крестьян, настроить их против кулаков» [Грегори, 2006, с. 62]. На практике, по данным ОГПУ, в Козловском округе с 1 января по 1 июля 1929 года 50 из 207 привлеченных к уголовной ответственности (или 24,2 %) являлись «бедняками», 21 человек был отнесен к категории «кулаков» и 38 крестьян — к «середнякам». Причем представители всех трех страт привлекались практически по целому спектру уголовных преступлений. Одно уголовное дело в сфере «должностного преступления» было заведено на крестьянина — «бедняка» [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 200, л. 1], по-видимому, связанного с местной партийной ячейкой или активом бедноты.

Объективные причины борьбы против советской аграрной политики низших страт деревни приведены в отчете Козловского отделения ОГПУ первому секретарю обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области И. М. Варейкису. Согласно данному документу, они поддерживали протесты в апреле и мае, «т. е. в месяцах постоянной голодовки бедноты, когда кулачество легче всего может купить бедняка» [Там же, л. 15]. Таким образом, дефицит зерна в черноземной деревне оказывал влияние на весь деревенский социум, мобилизуя протестные настроения даже в среде потенциальных «союзников» власти.

В число осужденных попадали представители самых различных социальных сил. Например, за период с 1 июля по 14 сентября 1929 года в Козловском округе были осуждены за «антисоветскую агитацию, противодействие мероприятиям советской власти в деревне и организацию антисоветских группировок» 40 человек, в том числе 13 кулаков, 6 торговцев, 4 зажиточных крестьянина, 1 бывший белый офицер, 6 участников восстаний, 4 попа, 1 правый эсер, 2 монашки, 1 церковник, 1 середняк, 1 бывший волостной писарь. За «спекуляцию хлебными и зерновыми товарами»

осудили 19 человек, за «организацию массовых выступлений» — 1 попа и 2 женщин-зажиточных [Там же, л. 1].

Подобная социальная палитра свидетельствовала о росте протестных настроений в крестьянской среде. Особенно углублял конфликт недоверия к власти злоупотребления со стороны совработников, а также рост влияния на деревню уголовного элемента. Практически все слои советского села оказывались в оппозиции к жесткой аграрной политике. Политического «иммунитета» не оказалось даже у беднейших слоев крестьянства. Однако особое внимание силовые органы уделяли «противникам» строительства социализма, а также индивидуальным крестьянским хозяйствам как носителям рыночных отношений.

5. Кризис хлебозаготовок и переход к сплошной коллективизации

Вопрос хлебозаготовок был краеугольным камнем во всем механизме социальных отношений и потрясений черноземной деревни 1929 года. Именно он и стал плацдармом в наступлении советской власти на зажиточную верхушку деревни. В циркулярных письмах, рассылавшихся окружными комитетами ВКП(б) районным комитетам в конце 1929 года, повторялись требования «решительными мерами сломить сопротивление кулака, добиться во что бы то ни стало выполнения данных ему индивидуальных заданий», широко применять штрафные санкции, произвести «окончательный и решительный нажим на кулака и зажиточных» [Кротова, 2007, с. 180]. Но репрессивные меры только ослабляли социальную базу власти в деревне.

Использование властью всей мощи административно-репрессивного ресурса существенно обострило социально-экономические и общественно-политические отношения в деревне, привело к сокращению объема хлебозаготовок. Так, «в циркулярном письме Козловского окружкома ВКП(б) секретарям райкомов в январе 1930 гг. отмечалось, что хлебозаготовки падают, так как при плане на 1929 / 1930 г. 55 680 т на 15 января было заготовлено только 33 360 т (60 %)» [Там же, с. 57]. Для сравнения: в Тамбовском округе хлебозаготовки на 20 января 1930 года были выполнены на 95 % [Там же].

1930 год стал годом решающих битв на «фронте коллективизации». Котел внутريدеревенских противоречий дошел до максимальной точки кипения, а представители местных органов власти прилагали титанические усилия для увеличения числа коллективных хозяйств в черноземной деревне. Как сообщалось в отчете о ходе колхозного строительства, на территории Козловского округа, в Лев-Толстовском районе, в 1930 году

председатель районного исполнительного комитета и начальник РАО приезжали в село Круглое и заявили, что «пересаживают половину деревни крестьян, а коллективизацию закончат» [ГАСПИТО, ф.п-835, оп. 1, д. 202, л. 36]. В Новоникольском сельсовете Староюрьевского района был арестован бедняк за то, что не подрезал хвост у лошади, тем самым якобы «сорвал мероприятия, проводимые по колхозному строительству» [Там же, л. 36 об.]. В селе Изосимово Козловско-Пригородного района вопрос об организации колхоза был решен «резолютивным» путем. Крестьянам прочитали резолюцию и спросили: «Вопросов нет? Значит колхоз состоялся». В селе Гагарино решение о вступлении в колхоз было принято при 14 голосовавших «за», 2 «против» и 28 «воздержавшихся» [Там же].

Наиболее эффективным, а потому и часто использовавшимся способом организации коллективных хозяйств в козловской деревне был метод голосования: «Кто против советской власти?». Как отмечалось в докладе 1930 года «О ходе коллективизации в Козловском округе», «в Чемодановском сельском совете допускались угрозы даже бедноте: “Загоним с кулаками на песок”; “Кто против колхоза, тот против советской власти”» [Там же, л. 36]. Подобные методы принудительного вовлечения крестьянства в коллективные хозяйства не могли сформировать у жителей положительные образы советской власти и благополучного будущего.

Местные органы власти, вписанные в жесткую вертикаль власти, стремились любыми доступными средствами выполнять указания из центра. Относительный «успех» чрезвычайных мер в аграрном строительстве был обеспечен активными нажимными действиями руководителей партийных организаций, органов прокуратуры, суда, ОГПУ, милиции, актива бедноты и т. д. В выписке из постановления пленума Козловского окружного суда от 17 января 1930 года, посвященной хлебозаготовительной кампании с сентября 1929 года по январь 1930, отмечалась «удовлетворительная быстрота прохождения дел, как в организациях расследования, так и в судах (по ... 107 статье УК в один день расследовано 59 %, до трех дней до 81 %). В организациях расследования по ст. 107 УК за один день расследовано 45 %, до трех дней 66 % ...» [ГАТО, ф.р-4, оп. 1, д. 187, л. 34]. Кроме того, активная оперативно-розыскная деятельность, например ОГПУ, подкреплялась силой. «В феврале 1930 г. начали формироваться специализированные вооруженные отряды, на местах стали организовываться военизированные группы» [Николашин, 2015, с. 141].

Однако даже мощная репрессивная машина требовала корректировки в своей работе. Например, пленум Козловского окружного суда делал за-

мечания судьям за «допущение искривления классовой линии по отдельным делам» [ГАТО, ф.р-4, оп. 1, д. 187, л. 35], выразившееся в «слабых» карательных мерах, принятых в отношении кулаков. В частности, нарсудья Ламского района Воронков в отношении «торговца Романова, злостно укрывающего излишки хлеба, применил 2 ч. 61 ст. УК к взысканию 17 пудов ржи или 51 рубля штрафа, кулака Иванова за не вывоз 267 пудов хлеба излишков приговорил к шести месяцам принудительных работ ...» [Там же]. Нарсудья Избердеевского района Быков допустил «искривления» и приговорил «кулака Черкасова за невывоз хлебных излишков государству и за зарытие хлеба в землю» [Там же] к одному месяцу принудительных работ.

В начале 1930 года на местах после получения сигнала из Москвы началась кампания по окончательному вытеснению кулака из деревни. Так, 9 января бюро Козловского окружкома ВКП(б), указывая на «сильнейшее сопротивление» кулаков, доходящее до «попыток организации восстаний на селе», постановило «просить обком ВКП(б) о скорейшем разрешении вопроса об изъятии кулаков из села» [Кротова, 2007, с. 60]. 27 февраля пленум обкома ВКП(б) ЦЧО принял решение о непосредственном осуществлении мероприятий по ликвидации кулачества как класса.

Первый секретарь обкома И. М. Варейкис требовал раскулачить по области от 90 до 105 тысяч крестьян (вместе с членами семей это составило бы около 600 тысяч человек, или 5 % населения области). Отметим, что эта цифра была на 1 %, или на 6 тысяч человек больше, чем официальное количество «кулаков», попадавшее в число репрессируемых по региону [Там же]. Отметим, что Варейкис полагал осуществить раскулачивание в ЦЧО за полтора года [Ноздрихин, 1996, с. 86].

Спираль насилия раскручивалась. Мерами раскулачивания должны были стать концентрационные лагеря, тюрьмы, расстрелы, а также выселение с конфискацией имущества и инвентаря свыше трудовой нормы. 18 июля 1929 года в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось о нецелесообразности приема кулаков в колхозы. В августе 1929 года бюро обкома ВКП(б) Центрально-Черноземной области вынесло постановление «О недопустимости вовлечения кулаков в колхозы». Как отмечает П. Грегори, «решение не принимать кулаков в колхозы означало для них депортацию, либо физическое уничтожение, либо, в лучшем случае, побег и последующая анонимная жизнь в городе» [Грегори, 2006, с. 62]. Это создавало жесткий социальный антагонизм внутри черноземной деревни.

Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 16 января 1930 года «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», районные исполнительные

комитеты получили полномочия по лишению земельных наделов кулаков, которые забивали скот, конфискации у них скота и сельскохозяйственного инвентаря.

Власть, по справедливому замечанию Ричарда Саквы, насаждала «искусственные формы классовой борьбы» [Саква, 2011, с. 70]. Тем самым решались как экономические, так и политические задачи: во-первых, выполнялись хлебозаготовки; во-вторых, это позволяло вытеснить из села наиболее антисоветски настроенных крестьян.

Психологическая атмосфера в деревне становилась все более напряженной. В начале 1930 годов в Козловском округе в ответ на рост давления власти массовый характер приобрели крестьянские протесты, вплоть до вооруженных выступлений. В феврале беспорядки произошли в Раненбургском, Избердеевском, Сосновском, Шехманском районах. Весной 1930 года крестьянские волнения прошли в Сосновском, Козлово-Пригородном районах. Поводом к выступлениям служили насильственное обобществление имущества и выселение кулацких семей. Как сообщал председатель Козловского окружного суда в секретном докладе председателю областного суда ЦЧО 4 марта 1930 года, «крестьянские выступления начались с набата, собраний на улицах, затем крестьяне распустили скот, в том числе изъятый у кулаков, в некоторых селах громили сельские Советы, избивали сельский актив, уполномоченных райкомов. Характерно, что лозунгом крестьян были: “Да здравствует Советская власть” (кое-где добавляли 1925 г.), “Долой насилия, долой колхозы”. Крестьяне были вооружены вилами, лопатами, охотничьими ружьями. Активно вели себя в выступлениях подростки и женщины» [Кротова, 2007, с. 184].

Вся социально-экономическая и общественно-политическая ситуация в деревне вела к эскалации насилия, не способствовала построению «мирных» сценариев развития. Достаточно четко атмосферу «коллективизируемой» деревни передает событие, произошедшее в селах Чурюково и Казанская Староюрьевского района 5 марта 1930 года. Здесь при проведении хлебозаготовительной кампании крестьянки вооружились рогатинами, не допуская до своего имущества советских работников, «в результате чего было арестовано 6 женщин» [ГАСПИТО, ф. п-835, оп. 1, д. 202, л. 36 об.].

Крестьяне черноземной деревни, по сути все ее страты, были включены в процесс трансформации аграрных отношений. Коллективизация и хлебозаготовительные кампании не оставляли равнодушных. Единственная дилемма, которая стояла перед крестьянством заключалась в выборе ориентиров: поддерживать советскую власть или отстаивать

собственные интересы. Но и в этом случае чаще всего предпочтения определялись имущественным положением каждого конкретного крестьянского двора.

6. Заключение

События рубежа 1920—1930-х годов в советской деревне стали переломным этапом в судьбе России. Советская власть использовала нажимные, административные механизмы на пути окончательного включения крестьян в систему советской аграрной экономики как работников, а не собственников. Слом традиционных общинных институтов сопровождался глубинными общественно-политическими изменениями.

В исследуемый период Козловский округ по числу жалоб, поступавших в Москву, оказался в числе лидеров по Центрально-Черноземной области. Такая ситуация была обусловлена близостью Центра, общегосударственной аграрной политикой, а также произволом советских работников на местах. Это приводило к высокой степени социального напряжения в деревне.

Крестьянство считало, что власть должна была уважать имущественные интересы деревни. Но реалии конца 1920-х — начала 1930-х годов были несколько иными. Власть индифферентно относилась к чаяниям и справедливым требованиям крестьянства. В ответ деревня враждебно встречала модернизационные импульсы города, оценивая их как посягательство на свободу и наличные ресурсы.

В рамках реализации советской аграрной политики на повестке дня стал вопрос о трактовке определения «кулацкого хозяйства». Расплывчатые трактовки данного понятия создавали условия для массовых злоупотреблений руководителей в Козловском округе, провоцировали репрессии. В частности, раскулаченные крестьяне могли попасть в концентрационные лагеря, тюрьмы, а также быть выселенными с конфискацией имущества и инвентаря свыше трудовой нормы. В ряде случаев к крестьянам применялась высшая мера наказания.

Хлебозаготовительные кампании, насильственное строительство колхозов, раскулачивание приводили к тому, что крестьянство Козловского округа начало применять оружие слабых: массовые протесты, неповиновение, укрывательство зерна от продорганов, а также насильственные действия против представителей власти. Через следственно-судебные органы осуществлялось давление на деревню. Крестьяне осуждались за «анти-советскую агитацию», «организацию антисоветских группировок» и др. Несмотря на жесткую политику советской власти в отношении деревни,

в начале 1930 года в Козловском округе открытые крестьянские протесты приобрели массовый характер. При этом на острие антисоветских выступлений в Козловском округе зачастую оказывались женщины.

Политические репрессии 1929—1930 годов с одинаковой жестокой прагматичностью отражались на всех социальных стратах деревни. Настроенный административно-репрессивный механизм действовал четко и лишь изредка давал сбой. После опубликования в марте 1930 года очередной статьи Сталина «Головокружение от успехов», по меткому выражению Шейлы Фицпатрик, мыши стали «хоронить котов» [Фицпатрик, 2007] — советских функционеров местного уровня. Но и «мыши», и «коты» были не более чем куклами в руках государственной машины. «Великий перелом» здесь сыграл важнейшую роль: укрепил фундамент административно-командной системы, скорректировал фискальную политику государства, продемонстрировал окончательную «победу» советской власти над вековыми мечтами деревни о «земле и воле».

Источники

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П-835. Оп. 1. Д. 200. Д. 202.
2. ГАТО — *Государственный архив Тамбовской области*. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 187.
3. *Сталин И.* Вопросы ленинизма. Издание 11-е / И. Сталин. — Москва : Госполитиздат, 1947. — 612 с.

Литература

1. *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 400 с.
2. *Есиков С. А.* Коллективизация в Центральном Черноземье : предпосылки и осуществление (1929—1933 гг.) / С. А. Есиков. — Тамбов : Издательство Тамбовского Государственного Технического Университета, 2005. — 122 с.
3. *Кондрашин В. В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1919—1933 гг.) / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2014. — 350 с.
4. *Кротова Т. А.* Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х — начале 1930-х гг. / Т. А. Кротова. — Тамбов : [б. и.], 2007. — 230 с.
5. *Мау В. А.* Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1961—1929). Издание 3-е, переработанное / В. А. Мау. — Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. — 512 с.
6. *Николашин В. П.* Двадцатипятилетия в тамбовской деревне в начале 1930 г. / В. П. Николашин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (35) : в 2 частях. Ч. I. — С. 116—121.

7. Николашин В. П. Деятельность ОГПУ в тамбовской деревне на рубеже 1920—1930-х гг. / В. П. Николашин // Власть. — 2015. — № 3. — С. 137—143.
8. Ноздрюхин В. И. «Великий перелом» в судьбе тамбовского крестьянства // Тамбовское крестьянство : от капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.) / В. И. Ноздрюхин. — Тамбов : Издательство ТГУ, 1996. — С. 82—90.
9. Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе / Р. Сак. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 151 с.
10. Фицпатрик Ш. Сталиньские крестьяне. Социальная история советской России в 30-е гг. : деревня / Ш. Фицпатрик. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 422 с.

Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozem Region)¹

© Vladimir B. Bezgin (2019), orcid.org/ 0000-0002-7074-6823, Researcher ID A-8926-2018, SPIN-code 4643-0347, Doctor of History, professor, Tambov State Technical University (Tambov, Russia), vladyska62@mail.ru.

© Vadim P. Nikolashin (2019), orcid.org/0000-0002-3595-8556, PhD in History, Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia), nikolashin.vadim@yandex.ru.

The article is devoted to the problem of socio-political development of villages of Kozlovsky district of the Central Chernozem region in 1929—1930. The main sources of the study were extensive materials concentrated in the State Archive of Socio-Political History of the Tambov Region and the State Archive of the Tambov Region. It is shown that these documents made it possible to study at the micro level the problems of increasing antagonism between the Soviet power and peasantry, the progressive expansion of the tools of struggle of each of the opposing forces on the local example of the peasantry of the Kozlovsky district. The article pays special attention to the social appearance of the protest movement. The relevance of the study is due to the importance of identifying the problems of conflict-free resolution of socio-political protests. On the contrary, repressive measures of the Soviet government against Kozlovsky district peasants turned to the growing dissent, mass demonstrations, etc. It is indicated that the government, in pursuit of clearly defined political and economic objectives, continued to use the push methods in the fight on the bread front, and during the complete collectivization. A comprehensive social and institutional assessment of the events in the Soviet village in 1929—1930 is carried out. The researchers prove that collectivization has become a mechanism for suppressing the protest forces in a village and strengthening the positions of Soviet power.

Key words: collectivization; grain procurements; "great turning point"; peasantry; village.

¹ The article is financially supported by the RFBR grant (project № 19-49-680002) and Tambov Region Administration within joint regional competition of scientific projects "Collectivization in Chernozem village: institutional and social aspects."

Material resources

GASPITO — *Gosudarstvennyy arkhiv sotsialno-politicheskoy istorii Tambovskoy oblasti*. F. P-835. Op. 1. D. 200. D. 202. (In Russ.).

GATO — *Gosudarstvennyy arkhiv Tambovskoy oblasti*. F. R-4. Op. 1. D. 187. (In Russ.).

Stalin, I. (1947). *Voprosy leninizma*. Moskva: Gospolitizdat. (In Russ.).

References

Esikov, S. A. (2005). *Kollektivizatsiya v Tsentralnom Chernozeme: predposylki i osushchestvleniye (1929—1933 gg.)*. Tambov: Izdatelstvo Tambovskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta. (In Russ.).

Fitspatrik, Sh. (2008). *Stalinskiye krestyane. Sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gg: derevnya*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Gregori, P. (2006). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma*. Moskva: ROS-SPEN. (In Russ.).

Kondrashin, V. V. (2014). *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i yeye rezultaty (1919—1933 gg.)*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).

Krotova, T. A. (2007). *Tambovskoye krestyanstvo i vlast' v kontse 1920-kh — nachale 1930-kh gg*. Tambov: [b. i.]. (In Russ.).

Mau, V. A. (2013). *Reformy i dogmy. Gosudarstvo i ekonomika v epokhu reform i revolyutsiy (1961—1929)*. Moskva: Izdatelskiy dom «Delo» RANKhiGS. (In Russ.).

Nikolashin, V. P. (2013). Dvadsatipyatitsyaniki v tambovskoy derevne v nachale 1930 g. *Istoricheskiye, filosofskiy, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 9 (35): 1: 116—121. (In Russ.).

Nikolashin, V. P. (2015). Deyatel'nost' OGPU v tambovskoy derevne na rubezhe 1920—1930-kh gg. *Vlast'*, 3: 137—143. (In Russ.).

Nozdryukhin, V. I. (1996). «Velikiy perelom» v sudbe tambovskogo krestyanstva. In: *Tambovskoye krestyanstvo: ot kapitalizma k sotsializmu (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)*. Tambov: Izdatelstvo TGU. 82—90. (In Russ.).

Sakva, R. (2011). *Kommunizm v Rossii. Interpretiruyushcheye esse*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).